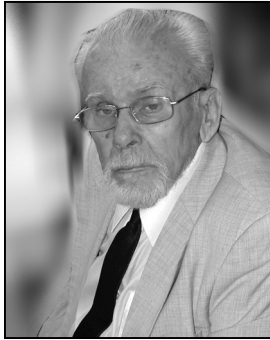

ГЕОГРАФИЯ СРАЖЕНИЯ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

С. М. Соловьев в своем многотомном труде давал образные, но верные характеристики эпохальных событий. Вот как он высказался по поводу сражения 1380 г.: «Летописцы говорят, что такой битвы, как Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; от подобных битв давно уже отвыкла Европа. ... Таково было побоище Каталонское, где полководец римский спас Западную Европу от гуннов; таково было побоище Турское, где вождь франкский спас Западную Европу от аравитян». «... Куликовская победа, — подчеркивал Сергей Михайлович, — ... имеет в истории Восточной Европы точно такое же значение, какие победы Каталонская и Турская имеют в истории Европы Западной, и носит одинакий с ними характер, характер страшного, кровавого побоища, отчаянного столкновения Европы с Азией, долженствовавшего решить великий в истории человечества вопрос — которой из этих частей света восторжествовать над другою». «Таково, — заключал маститый историк, — всемирно-историческое значение Куликовской битвы» [Соловьев, с. 325].

В наше время отошел в прошлое вопрос о торжестве Европы или Азии. Однако интересы **истинного суверенитета нашей страны**, как и прежде, требуют весьма внимательного отношения к героическим страницам ее многовековой истории.

Напоминать об этом заставляет теперешняя интенсивная пропаганда некомпетентных попыток свести на нет значение «Мамаева побоища». Авторы таких попыток хотят уменьшить раз в пятьдесят площадь боевых действий и приблизительно в двадцать раз количество их участников. Поводом послужили заключения археологов, основанные на крупной ошибке историков-любителей XIX в. при определении места сражения на Куликовом поле.

Согласно русским летописям, численность армии московского великого князя Дмитрия Ивановича, вместе с союзными войсками подержавших его русских земель и отрядами отдельных князей, могла превышать двести тысяч воинов¹. Летописцы единодушно восклицали, что «от начала миру не бывала сила такова русских князей, яко же при сем князи великом Дмитрии Ивановиче»². Вероятно, аналогичной по численности была противостоявшая русским и ими разбитая армия Мамаева. Немецкая хроника Детмара под 1380 г. сообщала о «великой битве» между русскими и татарами, где с обеих сторон сражалось четыреста тысяч и где победили русские³. Немецкий историк Альберт Кранц (1459–1517) подробнее писал об этом событии, характеризуя его как «величайшее в памяти людей сражение», в котором погибло двести тысяч [Krantz, p. 207].

В России последние десятилетия ознаменовались не только привычными конференциями, статьями и сборниками по случаю двух очередных юбилеев этого события в 1980 и 2005 г., но и распространением — особенно в околонушной среде — нарастающего и, следует признать, небеспричинного скептицизма по поводу его реальной исторической значимости.

¹ См., например, в Новгородской IV летописи: «бѣше всеа силы и всихъ ратей числом с полтора ста тысящъ или с двѣста. Еще же к тому приспѣша в тои чинѣ рагозны издавеча велицѣи князи Олгердовичи, поклонитися и послужити: князь Ондрѣи Полочкои съ Плесковици, брат его князь Дмитрии Брянский съ всеми своими мужи» (ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 314). Числовую ошибку переписчика в Софийской I летописи: «и прииде на Коломну, и събравъ своихъ 100000 и сто, опрочѣ князей русскихъ и воевод мѣстныхъ» (ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 458) объяснил в свое время А. А. Шахматов: «очевидно $\times 70$ (70 т.) было прочтено как $\overline{p}$ (100)» [Шахматов, с. 127]. Далее в той же летописи читается аналогично цитированному выше тексту Новгородской IV летописи. Сходный текст и в Новгородской летописи Дубровского (ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 132).

² См., например: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 458.

³ Detmar-Chronik von 1101–1395 mit der Fortsetzung von 1395–1400 // Die Chroniken der Deutschen Städte vom 14. bis 16. Jahrhundert. Leipzig, 1884. Bd 19. S. 568.

Вопиющие парадоксы теперешнего интерпретирования Куликовской битвы проистекают из давно укоренившегося ошибочного истолкования смысла важнейших письменных свидетельств. Согласно летописям XIV—XVI в., русское войско приготовилось к сражению «пришедши за Дон (то есть на запад от Дона. — С. А.), в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы рѣки»⁴. Очень существенно, что летописцы совершенно единодушны в указании этих основных географических параметров⁵.

Чтобы правильно истолковать летописные тексты, следует внимательно вчитаться в их смысл. Переправившись через Дон, то есть перейдя границу между владениями Руси и Орды, и вступив в Мамаеву землю, русское войско **оказалось в чистом поле и прибыло на устье реки Непрядвы**. В летописях не говорится, что устье Непрядвы являлось местом переправы через Дон. Не говорится даже, что переправа осуществлялась вблизи устья Непрядвы. Однако именно так по традиции истолковывают на протяжении уже двух столетий эти тексты авторы, писавшие о Куликовской битве.

Подобное истолкование, хотя оно и не было сколько-нибудь точным, представлялось этим авторам единственно возможным. Оно не вступало в непримиримое противоречие с летописными данными о количестве русских войск и о протяженности поля сражения⁶. Но так было до тех пор, пока между историками не возник спор, на каком берегу Непрядвы — на правом или на левом — произошла Куликовская битва⁷.

Для разрешения этого спора палеопочвоведы и палеоботаники провели свои исследования на обоих берегах Непрядвы около впадения ее в Дон. Оказалось, что в этих местах левый берег Непрядвы в прошлом был покрыт лесом, а на правом берегу была лесостепь, имевшая лишь небольшие открытые участки протяженностью не более 2—3 километров и шириной менее километра (см.: [Александровский, с. 70]). Понятно, что ни на одной из таких полей не могло бы уместиться значительное количество участников битвы.

Этим был спровоцирован радикальный пересмотр представлений о масштабах сражения на Куликовом поле. Местные историки, перестав доверять летописцам, поспешили приписать им преувеличение во много раз размеров поля битвы и числа участвовавших в ней войск.

Тульским археологам, уже долгие годы работавшим около впадения Непрядвы в Дон, легче стало объяснять удивляющую малочисленность найденных ими фрагментов оружия и отсутствие там следов массовых захоронений⁸. Руководители археологических раскопок Куликова поля в своих интервью столичной прессе стали утверждать, что речь должна идти не о крупномасштабном сражении, а о стычке относительно небольших конных отрядов.

---

⁴ См., например: ПСРЛ. Т. 43. С. 134.

⁵ Софийская I и Новгородская IV летописи: «Великий же князь Дмитрии Иванович перешед за Дон в поле чисто в ордынския земли, на усть Непрядвы рѣкы»; Новгородская I летопись: «въниде бо в землю их за Дон и бѣ ту поле чисто, на усть рѣкы Непрядвы»; Симеоновская летопись и Рогожский летописец: «Князь же великий поиде за Донъ, и бысть поле чисто и велико зѣло, и ту срѣтѣшася погани половци, татарьскыи полци, бѣ бо поле чисто на усть Непрядвы рѣкы» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 463; ср.: Т. 4. Ч. 1. С. 318; М., 2000. Т. 3. С. 376; М., 2007. Т. 18. С. 129; ср.: М., 2000. Т. 15. Стб. 139).

⁶ Впрочем, А. Н. Кирпичников еще в 1980 г., исходя даже из тогдашних представлений о ландшафте в низовье Непрядвы, сомневался в достоверности летописных сведений о большой численности войск, участвовавших в Куликовской битве, на том основании, что «предполагаемые размеры удобного для битвы поля (2,5—3 на 4 км) не позволили бы развернуть такие силы» [Кирпичников, с. 64].

⁷ «Левобережная» гипотеза — см.: [Кучкин, 1980, с. 16—19; Флоренский, с. 41—47; Кучкин, 1984, с. 47—53]. «Правобережная» гипотеза — см.: [Скрынников, с. 54—57; Хотинский, Фоломеев, Александровский, Гуман, с. 35—37; Зайцев, Фоломеев, Хотинский, с. 4—9]. См. также: [Петров, с. 26—30].

⁸ Опубликованный к юбилею битвы комментированный сводный их перечень содержит всего 27 предметов, из которых только первые 15 могут быть отнесены к остаткам оружия и военного снаряжения (см.: Каталог реликвий Донского побоища, найденных на Куликовом поле. К 625-летию Куликовской битвы / Составитель О. В. Двуреченский. М., 2005).

Позволю себе привести запечатленные по случаю юбилея битвы на страницах массового московского журнала примеры безапелляционности и научного уровня таких высказываний. Корреспондент журнала встретился в 2005 г. с тогдашними руководителями археологических работ, которые особенно интенсивно велись на Куликовом поле в предыдущие десять лет с 1995 г. Это были кандидаты исторических наук Михаил Гоняный и Олег Двуреченский. Как сообщает не без иронии корреспондент, «по рассказам ученых, истинная картина великого сражения сильно отличается от хрестоматийной... “Протяженность места боевых столкновений — два километра при максимальной ширине восьмьсот метров”, — считает начальник Верхне-Донской экспедиции Михаил Гоняный» (см.: [Чеботарев, с. 95–96]). «По мнению археологов, — констатирует корреспондент, — число участников битвы в общественном сознании сильно преувеличено. “В советское время думали, — говорит Двуреченский, — что это было народное ополчение. Сейчас мы считаем, что сражались профессионалы — от пяти до десяти тысяч как с той, так и с другой стороны, конники”» [Там же, с. 96]. Последний даже упомянул о летописях, назвав никогда не существовавшую «Новгородскую четвертую летопись младшего извода» и приводя вымышленную цитату «близ устья Дона и Непрядвы», будто бы почерпнутую в не сохранившемся на самом деле «Новгородском Софийском летописном своде» [Там же, с. 94–95]. Это словосочетание представляет собой тенденциозное искажение того, что читается на самом деле в русских летописях.

Подобные сенсационные заявления давно успели размножиться и закрепиться в Интернете. Они стали влиять на высказывания в печати некоторых историков, не говоря уже о падких на дискредитацию героики русского прошлого журналистах и недобросовестных комментаторах. А в Туле Государственный музей-заповедник «Куликово поле» поспешил роскошно издать посвященную специально этому полю «Большую иллюстрированную энциклопедию». Объем ее — 744 страницы, из которых несколько страниц посвящены самой Куликовской битве. Здесь можно уже прочесть, что «по последним научным данным, русские войска выстроились... занимая фронт не более полутора километров»⁹. Таким образом, за два года, прошедшие после приведенных мною высказываний тульских археологов, мизерная протяженность поля боя оказалась ими сокращена еще на полкилометра¹⁰.

Однако летописи однозначно пишут о небывало многочисленных войсках, которые были развернуты **на протяжении десяти верст** открытой местности Куликова поля: «И покрывша полки полѣ, яко на десяти версть отъ множества вои»¹¹.

Нынешние специалисты по изучению Куликовской битвы изобрели, таким образом, своеобразный «выход» из вопиющего несоответствия, заключая, что русские и иноземные письменные источники многократно преувеличивали масштаб сражения и число войск каждой стороны.

Приходится еще раз напомнить о важности внимательного прочтения летописных текстов. Особенно того, что написано в древнейшей летописи.

Вне поля зрения как нынешних, так и прежних историков сражения на Куликовом поле оставался немаловажный факт: словом «устье» в то время обозначали **исток** реки. Такое словоупотребление четко документировано в древнейшем из всех реально сохранившихся текстов русских летописей. Новгородская I летопись старшего извода дошла, как известно, в рукописи XIV столетия.

⁹ Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия / Под общей редакцией В. П. Гриценко. Тула, 2007. С. 316–317.

¹⁰ В напечатанном год назад сборнике Музея-заповедника «Куликово поле» помещена картосхема, иллюстрирующая упомянутое представление. Здесь, согласно масштабу, на полтора километра южнее впадения Непрядвы в Дон обозначен «эпицентр Куликовской битвы (по О. В. Двуреченскому)» (Куликовская битва в истории России / Сост. А. Н. Наумов. Тула, 2012. Вып. 2. С. 173).

¹¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 319; ср.: Т. 6. Вып. 1. С. 463; Т. 43. С. 135.

В этой летописи говорится следующее о завершении войны Великого Новгорода со Швецией за полвека до Куликовской битвы: «В лѣто 6831 [1323]. Ходиша новгородци съ княземъ Юрьемъ и поставиша город на усть Невы, на Орѣховомъ островѣ; ту же приѣхавше послы великы от свѣтиского короля и докончаша миръ вѣчныи съ княземъ и с Новымъгородомъ по старой пошлинѣ»¹². Здесь речь идет о построении в 1323 г. русской крепости Орешек (впоследствии — Шлиссельбург). «Ореховый остров», на котором находится Шлиссельбург, расположен в верховье реки Невы при вытечении ее из Ладожского озера. Употребленные летописцем XIV в. слова «на усть Невы» означают «у истока Невы». Аналогичный текст — в списках младшего извода Новгородской первой летописи.

Если бы теперешние историки Куликовской битвы не ограничивались истолкованием «по догадке» значения слов «на усть Непрядвы», а приняли во внимание общедоступные сведения по истории русского языка, то проблема бы не возникла.

Наш выдающийся лингвист академик Измаил Иванович Срезневский больше ста лет назад завершил публикацию составленного им словаря древнерусского языка. Первое издание его последнего тома было напечатано Императорской Академией наук в Петербурге в 1903 г., второе издание (репринт) пятитысячным тиражом вышло в Москве в 1958 г. В этой книге еще в начале прошлого века можно было прочесть нужное пояснение: «Усть — устье реки... исток реки: на усть — при истоке — Поставиша город на усть Невы, на Орѣховомъ островѣ» (дана отсылка к Новгородской I летописи)¹³.

Нева, как известно, вытекает из Ладожского озера. Непрядва же некогда вытекала из Волова озера, находящегося в центральной части обширного Куликова поля. Это озеро теперь очень невелико. Вытекавшая из него до своего обмеления Непрядва оставила там следы русла прежнего своего верховья. Сведения о том, что еще в первой половине XVII столетия это озеро служило истоком некоторых рек Куликова поля, можно прочесть в важном документе того времени — «Книге Большому Чертежу». Сама древнейшая карта России не сохранилась, но подробнейшее ее описание, составленное по «государеву указу» в 1627 г., публиковалось уже не раз. В издании, выпущенном Академией наук в 1950 г., с учетом всех известных к тому времени списков, можно прочесть достаточно ясный намек, касающийся истока Непрядвы: «Упа река вытекала из Волова озера от верху речки Непрядвы... от Куликова поля с Муравского шляху»¹⁴.

Слово «устье» при обозначении истока реки из озера зафиксировано в средневековых источниках отнюдь не только для Невы, но и для гораздо более протяженных рек. Таковы устье Шексны и устье Сухоны. Повесть об Усть-Шехонском монастыре сообщала о перенесении «града Белоозера» на новое место «вверхъ по Белу езеру от Шехонскаго устия десять поприщъ»¹⁵. Сказание Паисия Ярославова о Каменном монастыре повествовало о «великой реке Сухоне, яже течет из Кубенского езера в Студеное море-окиян своим устием от начала миру»¹⁶. Сухона является притоком Северной Двины¹⁷.

---

¹² ПСРЛ. Т. 3. С. 97, 339, 457.

¹³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1292.

¹⁴ Книга Большому Чертежу / Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950. С. 59. Цитированный список № 1330 «безусловно самый полный из всех сохранившихся списков Книги Большому Чертежу». Он «часто восполняет явные пробелы всех списков» (Там же. С. 33).

¹⁵ Публикация Повести: [Прохоров, с. 168].

¹⁶ Публикация Сказания: Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. Казань, 1861. Часть 1. С. 261. На применение термина «устье» к истокам Шексны и Сухоны мое внимание обратил вологодский историк А. Л. Грязнов.

¹⁷ Подробности можно прочесть в топографическом справочнике: [Кузнецов, 1994]. На с. 12 автор замечает: «слово “устье” в русском языке раньше имело три значения: “исток реки из озера”, “место слияния двух рек” и “место впадения реки в озеро или море”». Первое значение проиллюстрировано А. В. Кузнецовым цитатами из актовых средневековых источников.

Впрочем, составители словарей и в недавнем прошлом, и в настоящем отмечали традиционность устаревающего теперь значения «устье» 'исток реки'. Достаточно напомнить общеизвестный словарь В. И. Даля или указать специальный словарь народных географических терминов¹⁸.

Существуют подробнейшие (крупномасштабные, вычерченные от руки) карты уездов Тульской губернии, составлявшиеся во второй половине XVIII столетия для нужд генерального межевания. На этих картах видно, что находящееся в центре Куликова поля и уже радикально сократившееся к тому времени в размерах Волово озеро отделено лишь сотней сажень от ручья, дающего начало реке Непрядве¹⁹.

Показания источников ясно свидетельствуют, что сражение 1380 г. произошло вблизи тогдашнего истока Непрядвы, в центральной части Куликова поля - на расстоянии около 40 километров от впадения этой реки в Дон.

Соответственно, тульским археологам, которые в недавние десятилетия особенно интенсивно, но безуспешно искали следы массовых захоронений десятков тысяч русских воинов, павших на Куликовом поле, стоило бы несколько переместить район своих полевых работ. Тогда и поразительная малозначительность найденных доныне при раскопках на этом поле остатков оружия получила бы свое естественное объяснение.

Впрочем, следует упомянуть, что недостаточность традиционного ареала археологических работ начинала осознаваться даже в среде сотрудников Музея-заповедника «Куликово поле». В печати проскальзывало пожелание, «чтобы работники музея-заповедника не замыкались в своих исследованиях местности, традиционно определяемой ими как Куликово поле в узком смысле слова, а расширили бы район своих поисков» [Фомин, с. 38]. Однако радикальному его расширению мешала приверженность упомянутых ученых привычной «аксиоме», что битва произошла около впадения Непрядвы в Дон²⁰.

Устранив это заблуждение, можно по-новому осмыслить ряд показаний известных источников. Естественно полагать, что описанная в летописях переправа русских войск через Дон в ночь с 7 на 8 сентября произошла не ниже впадения в него Непрядвы, как это ныне считается, исходя только из «традиционного» представления о месте самого сражения. Очевидно, русские перешли Дон выше по его течению около Федосова городища, то есть ближе к центру Куликова поля — там, где Дон еще менее полноводен, а дорога, по которой двигались с севера русские войска, подошла к нему вплотную при впадении в Дон речки Муравлянки и где существовала используемая в те времена переправа.

Лишается опоры и «традиционное» представление, что битва произошла на правом берегу Непрядвы. Предложенная и аргументированная не так давно «левобережная» гипотеза была впоследствии раскритикована и решительно отвергнута. Дело в том, что сторонники этой

¹⁸ См.: «устье реки, исток» (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 514). См. также: «Устье... В старых источниках употребляется в значениях "исток реки из озера"... "узкий выход из водоема"» (*Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 583).

¹⁹ Ныне карты хранятся в Отделе рукописей БАН. Я использовал цветные фотокопии этих карт, присланные по моей просьбе А. Ю. Морозовым.

²⁰ Необходимо упомянуть, что, в отличие от профессиональных историков и археологов, связанных ошибочной интерпретацией летописных указаний на «устье Непрядвы», некоторые краеведы и историки-любители просто игнорировали эти указания и уже высказывали предположение, что место битвы стоило бы поискать вблизи озера Волова. См., например: [Шавырин, с. 98–104; Звягин, с. 289–302]. Впрочем, названные авторы, пишущие в беллетристической манере, расценивали это лишь как одну из любопытных версий возможной локализации места Куликовской битвы. Однозначно придерживается именно такой версии А. Б. Архипов, высказавший ее в двух письмах ко мне, отправленных электронной почтой в декабре 2011 г., и представившийся в них как «технар». Я тогда же порекомендовал ему отобразить более подробно свои наблюдения в печати.

гипотезы слова «на усть Непрядвы» трактовали «традиционно» — как место впадения ее в Дон²¹, а оказалось, что именно в этом месте на левом берегу Непрядвы прежде находился лес.

Но неосновательно было бы предполагать, что лес некогда покрывал все левобережье Непрядвы вплоть до ее истока и на многие километры в глубь обширного Куликова поля. Сплошное изучение его почв для определения возможных в прошлом лесных участков проводилось только на небольших пространствах в низовье этой реки, так как все поиски места битвы были основаны только на теперешнем понимании слов «устье Непрядвы».

Анализ данных, извлеченных из совокупности официальных письменных источников XVI—XVII в., привел к выводу, что тогдашнее Куликово поле — отнюдь не лес, а «северо-восточная оконечность степей, которая широким языком вклинивается вглубь широколиственных лесов Среднерусской возвышенности по водоразделу верхнего течения Дона и Оки». Как резюмировал нынешний исследователь исторической географии Куликова поля О. Ю. Кузнецов, «в противоположность традиционным представлениям отечественной историографии советского периода, следует признать значительность его линейных размеров, достигающих 120 км с запада на восток и 80 км севера на юг» [Кузнецов, 1999, с. 30].

Что же касается XIV столетия, то летописи единодушно и неоднократно упоминают именно открытую местность («поле чисто»), по которой русское войско «поидоша за Дон в дальняя части земля». Стремясь упредить действия противника, оно спешно направилось к истоку Непрядвы — «переидоша за Дон вскоре люто и сверъпо и напрасно»²² (то есть ожесточенно и храбро и стремительно).

Великий князь Дмитрий Иванович, получив ободряющее послание от преподобного игумена Сергия Радонежского, сначала готовился встретить войско Мамаю на левом берегу Дона и уже назначил по полкам воевод, которые тогда облеклись «во одежду их мѣстную яко велицы ратницы» (то есть в доспехи, предназначенные для отличия предводителей во время боя). Подойдя к Дону, русские воеводы «много ту думаша», следует ли переходить на его правый берег²³. Однако высланная заранее разведка во главе с Семеном Меликом сообщила, что войско Мамаю теперь сосредоточивается на правобережье Дона, ожидая соединения с войском Ягайла, которое должно было подойти с запада. Это известие и повлекло за собой решение великого князя Дмитрия Ивановича стремительно, еще ночью, переправиться через Дон (см.: [Амелькин, Селезнев, с. 170—174]).

Конному войску русских потребовалось очень немного времени, чтобы преодолеть расстояние около 20 километров по степному водоразделу, между верховьями притоков Упы и притоков Непрядвы, от места переправы через Дон до центральной части Куликова поля. Пешие воины подошли, конечно, позднее. Но задолго до полудня 8 сентября сосредоточение русских войск должно было завершиться. «Князю же великому Дмитрию Ивановичю пришедшю за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю на усть Непрядвы реки, и став ту князь велики по достоянию (то есть как следует. — С. А.) полки разрядив и воеводы учинив»²⁴.

Ордынская армия Мамаю, ожидавшего прибытия союзников — литовской армии Ягайла, намеревалась, очевидно, первой выйти на открытую местность в центре Куликова поля между верховьями притоков Дона и Оки. Это был финальный участок давно освоенного степняками пути на Русь, который впоследствии получит обозначение «Муравский шлях». По нему крымские татары затем несколько столетий будут совершать свои опустошительные набеги на

---

²¹ См. картосхемы в упомянутых статьях К. П. Флоренского и В. А. Кучкина [Флоренский, с. 44; Кучкин 1984, с. 51].

²² ПСРЛ. Т. 43. С. 134.

²³ Там же. С. 133.

²⁴ Там же. С. 134 (исправлена опечатка в словах «по достоянию»).

русские земли, иногда доходя даже до Москвы. Но 8 сентября 1380 г. будущий Муравский шлях оказался перекрыт сводной армией великого князя Дмитрия Ивановича, загородившей ордынцам путь к Москве. Мамаю пришлось поэтому вступить в сражение с русскими, не дождавшись подхода войска Ягайла.

Из сказанного следует, что Куликовское сражение разыгралось отнюдь не на площадке «2—3 квадратных километров», как писал недавно в своем обзоре под влиянием упомянутых мной тульских археологов московский историк А. Е. Петров [Петров, с. 29]. Оно произошло на пространстве, в десятки раз превосходившем подобные размеры. Развернутые в «чистом поле» на десять верст по фронту русские войска должны были иметь и глубину расположения, достаточную для их маневра и для своевременного введения в бой мощного резерва, который решил исход битвы.

Отправив «вверх по Дону» от места общей переправы засадный полк (в летописных текстах он чаще назван «западный», что отвечает расположению западнее главных сил) под командованием своего двоюродного брата князя Владимира Андреевича Серпуховского, «мужа мудра и храбра» Дмитрия Михайловича Боброка Волынского и еще трех известных князей и «в дубравах утаив»²⁵ этот ударный резерв, великий князь Дмитрий Иванович обеспечил победу. Дубрава — не ельник и не кустарник, которые затрудняют передвижение войска. Под кронами дубов можно было скрытно расположить многочисленную конницу и затем в нужный момент направить ее в атаку неожиданно для противника.

Местонахождение исчезнувшей небольшой дубравы разные историки Куликовской битвы предполагали в разных пунктах поблизости от впадения Непрядвы в Дон.

Но существует доньяне дубовый лес у самого края Куликова поля, в направлении на северо-северо-восток от Волова озера. Этот лес обозначен не только на современных картах Тульской области, но и на старых картах генерального межевания Тульской губернии. Нынешняя площадь этой дубравы — около двадцати квадратных километров²⁶. Теперешнее расстояние ее южного края от верховья Непрядвы — двадцать пять километров. Но прежнее расстояние должно было быть существенно меньше, ибо южную часть дубравы, очевидно, вырубил при постройке расположенного теперь вплотную к этому лесу с юга города Богородицка.

Конный полк князя Владимира Андреевича, направленный от места общей переправы, «вверх по Дону», мог достигнуть этого дубового леса, находящегося в 3 километрах к северу и в 20 километрах к западу от места переправы, раньше, чем пешие русские полки приблизились к верховьям Непрядвы.

Основные силы развернутой на десять верст по фронту русской армии должны были, очевидно, располагаться в междуречье притоков Дона и Оки, перегораживая неприятелям путь к Москве. Как следует полагать, на северо-восток от местности, непосредственно прилегавшей к Волову озеру, между верховьями рек Непрядвы и Уперты, значительно севернее верховьев реки Мечи (теперь Красивая Меча) и ее притока — речки Плотовая Меча (теперь Сухая Плота). Татары же подошли к истоку Непрядвы с юго-юго-запада, от северной излучины Мечи.

Сокрушительная атака засадного полка, кратко описанная в Летописной повести о Куликовской битве, привела, как известно, к тому, что «татарове с Мамаем побегоша». Любопытно, что Красный Холм, на котором, по не имеющей документального подтверждения устной традиции, находилась во время сражения ставка Мамаю, — это название небольшого поселения, расположенного на холме в семи километрах к востоку от Волова озера и в двух километрах к северу от Непрядвы.

²⁵ Там же.

²⁶ См.: Атлас Тульской области. Масштаб в 1 см — 1 км / Отв. ред. А. Г. Косиков. М., 2006. Карта № 56.

Князь Владимир Андреевич «и иные многие воеводы», возглавившие погоню, «гониша их и бьюще до Мечи реки и до станов их, и взяша все богатство их и стада и тамо бежащих безчисленное множество погибоша. Тогда же бѣ и руси избито множество»²⁷. От верховья Непрядвы на юго-юго-запад до находящейся здесь излучины верхнего течения Мечи расстояние менее 20 километров. Его преодолели, продолжая сражаться на своих уже уставших конях, русские преследователи бегущих ордынцев. Но трудно представить, что это преследование началось от «традиционно» локализуемого места боя — при впадении Непрядвы в Дон. Отсюда до расположенной к югу ближайшей излучины Мечи (в среднем ее течении) расстояние больше 60 километров.

Из сказанного следует, что местоположение захваченного русскими неприятельского лагеря было не вблизи низовья Непрядвы, а вблизи ее верховья.

Бегство остатков разгромленной армии Мамай вряд ли происходило лишь в южном направлении. Часть ордынцев, вероятно, устремилась на запад и присоединилась к отрядам Ягайла. Другая часть бежала на восток и, преодолев Непрядву, отстреливалась из луков на ее правом берегу. Следы преследования этих беглецов, как можно полагать, и являются упомянутые уже мною немногие находки здесь фрагментов оружия — главным образом наконечники стрел и копий.

Современным историкам Куликовской битвы следует быть внимательнее при обращении к летописным свидетельствам об этом событии, принимая в расчет данные истории русского языка. Археологам же целесообразно было бы направить главные усилия не на обследование периферии Куликова поля, а на его центр — туда, где на самом деле и происходило великое сражение 1380 г.

Согласно Никоновской летописи, соединявшей письменные источники и устные, «бѣ же то поле велико и чисто и отлогъ велик имѣа на усть-рѣки Непрядвы. И выступиша татарская сила на шоломе и поидоша съ шоломяни; такоже и христианская сила поидоша съ шоломяни и сташа на полѣ чистѣ на мѣстѣ твердѣ»²⁸. Побывав на **реальном** месте сражения вблизи истока Непрядвы и осмотрев с **реального** Красного Холма центральную часть обширного Куликова поля, могу засвидетельствовать, что ее рельеф вполне соответствует приведенному описанию — как и дальнейшему описанию в этой летописи самого схождения противостоявших войск.

Литература

- Александровский А. Л. Палеопочвенные исследования на Куликовом поле // Куликово поле: Материалы и исследования / Отв. ред. А. К. Зайцев. М., 1990.
- Амелькин А. О., Селезнев Ю. В. К вопросу о форсировании князем Дмитрием Ивановичем Дона 7 сентября 1380 г. // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула, 2009. Вып. 4. С. 170–174.
- Зайцев А. К., Фоломев Б. А., Хотинский Н. А. Проблемы междисциплинарного изучения Куликова поля // Куликово поле: Материалы и исследования. С. 4–9.
- Звягин Ю. Ю. Загадки поля Куликова. М., 2010.
- Кирпичников А. Н. Куликовская битва. Л., 1980.
- Кузнецов А. В. Сухона от устья до устья. Вологда, 1994.
- Кузнецов О. Ю. Локализация Куликова поля по русским средневековым письменным источникам // Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля / Государственный музей-заповедник «Куликово поле». Научные труды. М.; Тула, 1999. С. 30.
- Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле // ВИ. 1980. № 8. С. 16–19.
- Кучкин В. А. О месте Куликовской битвы // Природа. 1984. № 8 (828). С. 47–53.
- Петров А. Е. Куликово поле в исторической памяти: Формирование и эволюция представлений о месте Куликовской битвы // ДРВМ. 2003. № 3 (13). С. 26–30.

---

²⁷ ПСРЛ. Т. 43. С. 135.

²⁸ ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 58.

- Прохоров Г. М.* Повесть об Устьшехонском Троицком монастыре и рассказы о городе Белозерске // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 163–183.
- Скрынников Р. Г.* Куликовская битва. Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей родины. (Мат-лы юбилейной научной конференции). М., 1983. С. 54–57.
- Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1993. Кн. 2. История России с древнейших времен. Т. III, IV.
- Флоренский К. П.* Где произошло Мамаево побоище? // Природа. 1984. № 8 (828). С. 41–47.
- Фомин Н. К.* Топоним «Куликово поле» по документам XVI–XVII вв. // Изучение историко-культурного наследия Куликова поля. С. 38.
- Хотинский Н. А., Фоломеев Б. А., Александровский А. Л., Гуман М. А.* Куликово поле: Природа и история последних 6 тысяч лет // Природа. 1985. № 12 (844). С. 35–37.
- Чеботарев А.* В поисках Куликова поля [датированная 15-м августа 2005 года беседа с руководителями Верхне-Донской археологической экспедиции Государственного исторического музея] // Нескучный сад. 2005. № 4 (15). С. 94–101.
- Шавырин В. Н.* Муравский шлях: Краеведческие очерки. Тула, 1987.
- Шахматов А. А.* Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1910.
- Krantz A.* Vandaliae. Hanoviae, 1619.